

Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ

**КОРНЕВОЙ ПЕРФЕКТ И СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Во многих древних индоевропейских языках среди различных образований перфекта (или претерита) есть два вида основ, между которыми имелась особого рода связь — это редуцированный перфект и перфект со ступенью удлинения корневого гласного. Оба морфологических типа перфекта (претерита) известны в италийских, кельтских, тохарских языках, но представлены в каждом отдельном языке сравнительно небольшим числом глаголов. Яснее всего связь обоих морфологических типов обнаруживается тогда, когда в одном языке или в близкородственных языках находятся параллельные формы перфекта, образованные по тому и другому типу от одного и того же корня. Так, в латинском языке для глагола *rangō* известны редуцированный перфект *perigī* и перфект с долгим корневым гласным *pēgī*, для глагола *faciō* — *fēcī* и пренестинское *fhefhaked*; аналогичная форма *fefacid* сохранилась также в оскском. В германских языках готским редуцированным формам претерита *haihait*, *haihald* соответствуют в северо-западных языках нередуцированные формы с долгим корневым гласным: др.-англ., др.-сакс. *hēt*, др.-англ. *hēold*, др.-фриз. *hēld*. Особенно полно представлен параллелизм обоих морфологических типов претерита в тохарских языках, где большое число глаголов каузативного спряжения образуют в тохарском А редуцированный претерит, а в тохарском В те же глаголы образуют претерит с удлинением или дифтонгизацией корневого гласного. Например, *tāl-* «нести» — А. *cacāl*, В. *cāla* «заставил унести»; *wik-* «исчезать» — А. *wawik*, В. *yaika* «удалил»; *ritw-* «быть связанным» — А. *raritu*, В. *raitta* «связал»¹.

В научной литературе рассматривается вопрос об этих типах претеритальных основ главным образом в плане их происхождения: восходят ли обе модели к одному общему типу образования, или они были самостоятельными с древнейшего времени. Решение этих вопросов перекрещивается с вопросом о формальном статусе общеиндоевропейского перфекта, и здесь имеются две тенденции: с одной стороны, древнейшим признается редуцированный перфект и к нему возводится перфект с долгим гласным², с другой стороны, утверждается, что уже в индоевропейском были два типа перфекта, с редупликацией и без нее³. Осо-

¹ W. Krause, W. Thomas, *Tocharisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1960, стр. 176.

² F. Sommer, *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*, Heidelberg, 1914, стр. 152; W. Schulze, *Die reduplizierten Präterita des Tocharischen und Germanischen*, «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1924; W. Krause, W. Thomas, указ. соч., стр. 175.

³ K. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, II, Strassburg, 1933, стр. 542; А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М.—Л., 1938, стр. 220.

бенно много загадок связано с латинским долговокалическим перфектом, который рассматривается обычно как результат контаминации различных индоевропейских образований перфекта и аориста, причем просто количественное чередование гласных в основах презенса и перфекта, как *e—ē* (*legō—lēgī*), считается возникшим вторично ⁴. В этом отношении представляет интерес изучение квантитативных чередований на материале латинского и вообще италийских языков в плане синхронии. Поскольку долговокалический перфект тесно связан в латинском с редуцированными перфектом, то целесообразно исследовать их соотношение в языке путем сравнения глагольных корней двух серий и изучения их структурных признаков. При таком анализе следует выделять корни латинские (италийские), а не индоевропейские, так как индоевропейские корни были подвержены постоянным преобразованиям не в меньшей степени, чем прочие языковые структуры ⁵.

Вот списки глаголов той и другой серии:

1. *cadō—cecīdī*, *caedō—cecīdī*, *canō—cecīnī*, *pangō—pepigī* и *pēgī*, *parcō—pepercī*, *pariō—peperi*, *tangō—tetigī*, *fallō—fefellī*, *stō—stetī*, *dō—dedī*, *pendō—pendī*, *tendō—tetendī*, *teneō—tetinī*, *pēdō—pepedī*, *pellō—pepulī*, *discō—didicī*, *scindō—scīdī*, *currō—cucurri*, *pungō—pupugī*, *tundō—tutudī*, ах. *tulō—tetulī*, *poscō—poposcī*, *spondeō—spondī*, *tondeō—totondī*, *mordeō—momordī*, *meminī*.

2. *edō—ēdī*, *emō—ēmī*, *agō—ēgī*, **apiō—ēpī* (*co-ēpī*), *(odium)—ōdī*, *legō—lēgī*, *linguō—liquī*, *regō—(su)rēgit*, *rumpō—rūpī*, *videō—vidī*, *veniō—vēnī*, *vincō—vīcī*, *iaciō—iēcī*, *sedeō—sēdī*, *fodiō—fōdī*, *fugiō—fūgī*, *fundō—fūdī*, *faciō—fēcī*, *frangō—frēgī*, *capīō—cēpī*, *scabō—scābī*.

Чем же характеризуются глаголы, образующие редуцированный перфект в латинском языке? Римский грамматик Присциан сообщает, что в перфекте удваиваться может только тот слог, который начинается с одного смычного согласного. Эти два признака, характеризующие начало глагольного корня, моноконсонантность и смычность, представлялись античному грамматiku весьма существенными. Это видно из того, что кажущееся отступление от первого признака у глаголов, начинающихся с *st-*, *sp-*, *sc-*: *stō—stetī*, *spondeō—spondī*, *scindō—scīdī*. Присциан объясняет, указывая, что *s* перед смычным теряет силу самостоятельного согласного, т. е. каждое из сочетаний *st-*, *sp-*, *sc-* имеет значимость одного смычного согласного ⁶. Указанное положение античного грамматика было подтверждено 15 веков спустя К. Бругманном, показавшим на материале ряда индоевропейских языков, что группа *s +* глухой смычный (*st-*, *sp-*, *sc-*) очень близка по характеру к простому смычному и фактически представляет собой неразложимое фонетическое единство ⁷.

Второй признак, определяющий начальный согласный корня, смычность, также распространяется на все глаголы серии, за исключением *mordeō—momordī* и *meminī*, но, по свидетельству Присциана, *m* по многим своим дистрибутивным свойствам отличается от других сонантов и функционирует как смычный согласный.

⁴ E. Benveniste, Sur quelques développements du parfait indo-européen, «Archivum linguisticum», 1, 1949; F. Bader, Vocalisme et redoublement au parfait radical en latin, BSL, 63, 1, 1968; C. Watkins, Indogermanische Grammatik, III — Geschichte der indogermanischen Verbalflexion, Heidelberg, 1969, стр. 154.

⁵ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 181.

⁶ «Grammatici Latini», II, Lipsiae, 1855, стр. 23.

⁷ K. Brugmann, Zu den reduplizierten Verbalbildungen des Indoiranischen, IF, 31, 1912.

Итак, глаголы, имеющие редуцированный перфект, характеризуются определенным началом глагольного корня, допускающим только простые смычные согласные, чаще всего глухие и *m*.

Помимо редуцированного перфекта, в латинском языке есть еще только один тип перфекта — это перфект с долгим корневым гласным, где начало глагольного корня также ограничено: сонантами (кроме носовых), спирантами или гласными. Анализ глагольных корней второй серии показывает, что все они имеют одинаковую трехэлементную (реже двухэлементную) структуру, включающую краткий гласный, окруженный с обеих сторон одиночными согласными⁸, слева сонантом или спирантом (или нулем согласного), справа смычным или носовым по схеме $(R)VT/N$ или $(F)VT/N$ ⁹. Но именно при такой последовательности фонем краткий гласный в латинском языке особенно часто подвергался синкопе¹⁰, обладая, очевидно, в позиции открытого слога между сонантом (или спирантом) и смычным (или носовым) признаком сверхкраткости. Безусловно, для синкопы гласного необходимо соблюдение еще такого основного условия, как положение краткого гласного в срединном безударном слоге, чего в данном случае нет, но комбинаторная сверхкраткость гласного, определяемая построением всего сегмента RVT или FVT , остается. В последовательности фонем, благоприятной для сокращения кратких гласных до сверхкратких, особую значимость имело качество предшествующего согласного¹¹. Для латинского языка это были главным образом сонанты.

Глаголы со структурой корня RVT (или FVT), характеризующиеся позиционной сверхкраткостью корневого гласного, образуют основу перфекта путем удлинения этого гласного, что обычно имеет место в открытом слоге: *videō—vidī*, *relinquō—reliquī*, *regō—(su)rēgit*, *legō—lēgī*, *rumpō—rūpī*, *faciō—fēcī*, *foediō—fōdī* и т. д. Ритмическая модуляция сверхкраткого гласного в презентной основе и долгого в основе перфекта выполняет, таким образом, в латинском языке, языке типично квантитативном, четкую морфологическую функцию. Глаголы с двухэлементным корнем и вокалическим анлаутом (VT или VN) по характеру чередований несколько не отличаются от глаголов с трехэлементным корнем: *edō—ēdī*, *ēmō—ēmī*, (*odium*)—*ōdī*, *agō—ēgī*. Все пять латинских гласных участвуют, таким образом, в вокалических альтернативах, различающих основу инфекта и основу перфекта: *e—ē*, *i—ī*, *u—ū*, *a—ā*, хотя может быть также *a—ā* (*scabō—scābī*). Итак, перфект с долгим гласным, неразрывно связанный со структурой открытого слога, возможен в латинском языке у глаголов с определенным фонемным составом корня, включающим не более трех элементов определенной последовательности — $(R)VT$ или $(F)VT$.

В отличие от этих глаголов, глаголы первой серии (перфект с редупликацией) допускают больше вариаций в структуре корня, поскольку в исходе его возможны и простые согласные (*cad-ō*), и двойные (*curr-ō*, *fall-ō*) и группы согласных (*tend-ō*, *morde-ō*), и нуль согласного (*dō*, *stō*) по схеме TV , TVC , $TVCC$. Из этих структур наименее устойчивой была

⁸ Единственное исключение — *frangō*. Глагол *scabō*, который отличается также характером вокалического чередования, будет разобран отдельно.

⁹ *R* — сонант, *V* — гласный, *T* — смычный, *N* — носовой, *F* — спирант.

¹⁰ И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка, М., 1960, стр. 90; М. L e u m a n n, Lateinische Laut- und Formenlehre, München, 1963; стр. 394; А. G ö t z e, Relative Chronologie von Lauterscheinungen im Italischen, IF, 41, 1, 1923, стр. 110; Н. R i x, Die lateinische Synkope als historisches und phonologisches Problem, «Kratylos», XI, 1966, стр. 157.

¹¹ О. S z e m e g é n y i, Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent, Naples, 1964, стр. 260.

последовательность *TVCC*, поскольку в архаической латыни глагольные корни с исходом *-rc-*, *-rd-* образуют, наряду с формами редуцированного перфекта, также сигматический перфект с явным преобладанием последнего¹²: *percō—pepercī* и *parcī* (у Плавта встречается только *parcī*), *mordeō—momordī* и *praemorsisse*.

Но при разнообразии конечных элементов начальные элементы корня структурно одинаковы у всех глаголов серии: это простой, преимущественно глухой смычный и этимологически краткий гласный. Большинство глаголов сохранило краткость корневого гласного, и лишь два глагола утратили ее: *caedō* < **caid-* и *pēdō* < **pezd-*¹³. В этой характеристике начала глагольного корня особую значимость имеет краткость корневого гласного, восходящая к нулевой ступени огласовки индоевропейского корня¹⁴, начальный же глухой смычный лишь позиционно поддерживает эту краткость аналогично тому, как у глаголов второй серии позиционная сверхкраткость корневого гласного связана с сонантическим анлаутом. Эта краткость корневого гласного, характеризующая глаголы обеих серий, была причиной появления у некоторых глаголов с трехэлементной структурой корня типа *TVT* или *FVT* дублетных форм: *rangō—perigī* и *pēgī*, *faciō—fēcī* и *fhefhaked*. Вполне возможно, что эти дублирующие друг друга образования перфекта имели разнодиалектное происхождение. Во всяком случае известно, что *fēcī* и *fhefhaked* относились к двум различным диалектам древнего Лация: римскому, где с древнейшего времени встречается в надписях *feced* (ср. надпись «Дуэноса», *CIL* I², 4) и пренестинскому, где в употреблении был редуцированный перфект¹⁵. Но и внутри римского диалекта есть глаголы, которые могут рассматриваться как пограничные между глаголами двух серий: это глагол *scabō*, имеющий анлаут, характерный для глаголов первой серии, но образующий перфект удлинением корневого гласного *scābī*, и *capīō—cēpī* с более обычной для латинского глагола вокалической альтернативой *a—ē*. Все эти случаи указывают на близость корневых типов латинского перфекта, основанную на структурном сходстве корней, и прежде всего на краткости корневого вокализма глаголов обеих серий. Но сходясь в одних признаках, глаголы обеих серий расходятся в других: 1) в качестве согласного в анлауте — сонантического (или фрикативного) в одном случае и смычного в другом; 2) в допускаемом числе элементов корня [имеется в виду двух- или трехэлементная структура по схеме *(R)VT* или *(F)VT* у глаголов одной серии и трех- или четырехэлементная по схеме *TVC(C)* у глаголов другой серии]. Поскольку максимум информации заложен в начале латинского слова, то разделение глаголов на две серии по типу образования перфекта оказалось связанным с качеством начального элемента глагольного корня.

Важно отметить, что в других итальянских языках глаголы с корневым перфектом имеют те же структурные признаки корня, что и латинские глаголы. Редуцированный перфект образуют глаголы с кратким корневым вокализмом, имеющие в анлауте простой смычный или спирант. Часть их параллельна латинским глаголам с редуцированным перфектом: оск. *deded* «*dedit*» и умбр. *dir̄sust*¹⁶ < *dedust «*dederit*» имеют ту же основу, что лат. *dedī*; оск. *fefacid* «*fēcerit*» соответствует пренестинскому

¹² F. S o m m e r, Handbuch der lateinischen Laut- und-Formenlehre, стр. 613.

¹³ A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, I, 1965, стр. 129; II, 1965, стр. 273.

¹⁴ F. V a d e r, указ. соч., стр. 175. Ср. тохарский А, где только те глаголы образуют редуцированный претерит, которые содержат в корне краткий гласный закрытого тембра *ä*, *i*, *u*. См.: W. K r a u s e, W. T h o m a s, указ. соч., стр. 244.

¹⁵ W. S c h m i d, Zur Goldfibel von Praeneste, IF, 70, 2, 1965, стр. 204—205.

¹⁶ В умбрском интервокальное *-d-* переходило в спирантизованное *-rs-*.

fhefhaked; умбр. *pepurkurent* «*poposcerint*» содержит тот же корень, что лат. *poscō* < **pɥ(k)-skō*, *poposci*¹⁷, но сохраняет более древнюю форму основы без презентного суффикса *-sk-*; фал. *pe:para[li]* «*pererī*» соответствует лат. *pererī*, но без ослабления корневого *a* в *e*. Некоторые перфектные основы с редупликацией, представленные в итальянских языках, не имеют параллельных образований в латинском языке: умбр. *fefure* «*fuerint*» образовано от того же корня, что лат. *fuī*; умбр. *dersicust* < *dedicust «*dixerit*» дает хороший пример того, что редупликация в перфекте возможна лишь при кратком корневом вокализме, которым в данном случае отличается основа умбрского перфекта от основы презенса, ср. умбр. *deitu* «*dīcitō*», оск. *deikum* «*dīcere*», лат. *dīcō*. Фал. *fifiked* «*finxit*» и оск. *fifikus* «*finxeris*» образованы от того же корня, что лат. *finḡō*¹⁸. Умбр. *peperscust* «*posuerit*» (ср. императив *perstu* «*positō*») не имеет ясной этимологии, хотя сопоставление с лат. *compscō* «сдерживаю» и *parcō* «удерживаю» возможно¹⁹.

Перфект с долгим корневым гласным представлен в итальянских языках очень немногими формами. Все они имеют ту же структуру корня (*F*)*VT*, что и латинские глаголы: оск. *hipid* < **hēpid*²⁰ «*habuerit*» (перфект конъюнктива) и *hipust* «*habuerit*» (перфективное будущее) с долгим корневым *ē* соотносятся с основой презенса, имеющей краткое *a*, ср. умбр. *habe* «*habet*», так же, как лат. *cēpī* — *capīō*. Аналогичная основа перфекта с долгим *ē* сохранилась, по всей вероятности, и в умбр. *cehefi* «*con-septus sit*»²¹ от варианта того же корня *haf-*, представленного также в оск. *hafie* < *i* > «*habēbit*», *haf* [*iar*] «*habēatur*». Такое же соотношение основ презенса и перфекта (*a* : *ē*) обнаруживается при сопоставлении лат. *sapīō* с оск. *sipus* < *sēpūs «*sciens*» и вольск. *sepi* «*sciente*», причастий (или отглагольных прилагательных), образованных от перфектной основы *sip-* < **sēp-*²². Умбр. *prusikurent* «*pronuntiāverint*» имеет основу перфекта с долгим гласным *ē* (в умбр. *ē* > *i*) от корня *sek^{w-}* «говорить», сохранившегося в лат. арх. *īnsece* «скажи» = греч. *ἐνυετς*²³. Соотношение презентной основы *sec-* с перфектной основой *sēc-* такое же, как в лат. *legō* — *lēgī*, *venīō* — *vēnī*. Наконец, перфектная основа **ōps-*, образованная удлинением корневого гласного *ō*, представлена оск. *uipsens* «*fēcērunṭ*», основа презенса с кратким *o* — **opsā-* — дана в оск. *upsannam* «*faciendam*».

Таким образом, итальянским и латинским глаголам, имеющим корневой перфект, свойственны одни и те же признаки: краткий корневой вокализм, определенный тип аплаута для глаголов каждой серии, преимущественно трехчленная структура корня *CVC* с возможной вариацией у глаголов с редулицированным перфектом до четырехчленной *CVCC*. Совпадают итальянские языки и в характере вокалических альтернатив, различающих основы презенса и перфекта, с тем лишь отличием, что в латинском языке в вокалических альтернативах участвуют все пять гласных, в оскско-умбрском же только три: *e* — *ē*, *o* — *ō*, *a* — *ē* (> *i*). Что представляют собой эти альтернативы? Можно ли рассматривать их как единый

¹⁷ A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, II, стр. 346; R. v. P l a n t a, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, II, Strassburg, 1893, стр. 328, 332.

¹⁸ A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, I, стр. 501; E. V e t t e r, Handbuch der italischen Dialekte, Heidelberg, 1953, стр. 282.

¹⁹ A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, I, стр. 256; R. v. P l a n t a, указ. соч., стр. 261.

²⁰ В оскском языке долгое закрытое *ē* обозначалось с помощью *i*. C. D. B u c k, A grammar of Oscan and Umbrian, Boston, 1904, стр. 171; A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, I, стр. 630.

²¹ E. V e t t e r, указ. соч., стр. 237.

²² A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, II, стр. 477; R. v. P l a n t a, указ. соч., стр. 336, 395.

²³ A. W a l d e — J. B. H o f m a n n, I, стр. 702; C. D. B u c k, указ. соч., стр. 171.

ряд парных корреляций, где члены каждой пары одинаково соотносятся между собой? Чередования $e-\bar{e}$, $o-\bar{o}$, $a-\bar{a}$ (*legō—lēgī*, *īnsece—* умбр. *prusikurent*, *fodiō—fōdī*, оск. *upsannat—uipsens*, *scabō—scābī*), бесспорно, являются количественными чередованиями, где полной ступени огласовки в основе презенса соответствует ступень удлинения в основе перфекта.

Чередование $a-\bar{e}$ более спорное, так как оно имеет, согласно традиционному объяснению, различное происхождение в двух группах глаголов. Одну группу составляют глаголы *agō—ēgī*, **apiō—co-ēpī*, *capīō—cēpī*, умбр. *habe* — оск. *hipid*, *sapiō* — оск. *sipus*, которые имеют древний корневой вокализм a и образуют основу перфекта фономорфологическим чередованием a с $\bar{e}$, т. е. чередованием полной ступени огласовки и ступени удлинения с одновременным изменением тембра²⁴. Другая группа состоит из двух глаголов: *faciō—fēcī* и *iaciō—iēcī*, где альтернатива $a-\bar{e}$ рассматривается большинством лингвистов как чередование нулевой ступени и полной. Основанием для этого служит сходство латинских перфектных форм *fēcī* и *iēcī* с греческими формами атематического аориста ἔθηκα (презент τίθημι) и ἴκα (презент ἵκημι) и выделение в латинских глаголах корней **dhē-* и **īē-*²⁵. Но если принять во внимание, что глагольные и именные образования (ср. *artifex*, *artificium*), засвидетельствованные в итальянских языках, позволяют вычленивать только корни **fak-*, **fēk-* и **īak-*, **īek-*²⁶, что форма индоевропейского корня **dhak-*, включающая $-k-$, зафиксирована и в других древних индоевропейских языках (ср. фриг. *ad-dakēt* «afficit», медиальная форма *ad-dakhetor*, греч. *θήκη* «хранилище», др.-инд. *dhākāh* «хранилище»)²⁷ и может быть отнесена поэтому к общиндоевропейскому²⁸, то постулировать корни **dhē-* и **īē-* для латинских глаголов *faciō* и *iaciō* неоправданно. Наличие же корней **fak-*, **fēk-* и **īak-*, *īek-* позволяет включить глаголы *faciō* и *iaciō* в группу глаголов *agō*, **apiō*, *capīō* с древним a в корне.

Таким образом, итальянским глаголам с корневым вокализмом e , o , a и определенным фонологическим строением корня (F) V T или (R) V T свойственны количественные чередования корневых гласных, где противопоставление полной и удлиненной ступеней служит средством, различающим основы презенса и перфекта.

В отличие от альтернатив $e-\bar{e}$, $o-\bar{o}$, $a-\bar{e}$, чередование $i-\bar{i}$, $u-\bar{u}$ представлено только в латинском языке, что безусловно затрудняет выяснение его природы. Можно предполагать, что, поскольку все виды вокалической альтернативы наблюдаются в корнях совершенно одинаковой структуры (R) V T или (F) V T и выполняют одну и ту же морфологическую функцию, то и соотношение ступеней чередования у них одинаковое, т. е. в парах $i-\bar{i}$, $u-\bar{u}$ противопоставлены полная и удлиненная ступени, как и в $e-\bar{e}$, $o-\bar{o}$, $a-\bar{e}$, независимо от того, соответствует ли лат. i , u индоевропейской нулевой ступени чередования или нет.

В латинском языке сохранились следы древней связи корневых образований перфекта с акцентуационной дифференциацией. В формах перфекта со ступенью удлинения гласного акцент выделял этот долгий

²⁴ A. Walde — J. В. Hofmann, I, стр. 57; I, стр. 159; I, стр. 630; II, стр. 477.

²⁵ M. Leumann, указ. соч., стр. 332; E. Benveniste, указ. соч., стр. 18; C. Watkins, указ. соч., стр. 154.

²⁶ См.: C. D. Вуск, указ. соч., стр. 168; W. P. Schmid, указ. соч., стр. 204, 208; стр. также: A. A. Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1933, стр. 69.

²⁷ A. Walde — J. В. Hofmann, I, стр. 440.

²⁸ Ср.: C. Watkins, *Indo-European origins of Celtic verb*, Dublin, 1962, стр. 76, где сравнивается аналогичный процесс сращения корня с расширением $-k-$ в хеттском и латинском: **ses-* «спать» → **sesk-* (хетт. *šeškiya-*) и **dhā-* «делать», → **dhak-* (пренест. *fhefhaked*).

гласный, переходя в некоторых формах по закону предпоследнего слога на окончание: *vīdī, vīdisti, vīdit*. В редуцированном же перфекте акцентом отмечался слог редупликации, ибо только так можно объяснить ослабление кратких гласных в корневом слоге, как в открытом (*cādō—cécidī, cānō—cécinī, páriō—péperī*), так и в закрытом (*párcō—pépercī, fállō—fēfellī, cāedō—cécidī*). Такой тип акцентуации, при котором выделялся начальный слог удвоения, вопреки принятому в классической латыни закону предпоследнего слога, следует рассматривать как акцентуацию энклизы и относить ее ко времени архаического латинского языка. Для этого есть следующие основания. В древнейшем памятнике латинской письменности, надписи VII в. до н.э. из Пренесте, слог редупликации отделяется от глагола интерпункцией, которая употреблялась в архаической орфографии для разделения слов: MANIOS : MED : FHE : : FNAKED : NUMASIOI «Маний меня сделал для Нумерия». Отделение редупликанта *fhe-* от глагола *fhaked* свидетельствует о том, что в формальном отношении редупликант приравнивался к самостоятельному слову. Аналогичное написание *pe : para<i>* встречается в древнейшей фалисской надписи VI в. до н.э. На это же положение редупликанта как самостоятельного слова, еще сохранявшееся в архаической латыни, указывает фонетическая трактовка внутреннего *-f-* в перфектной форме *fefellī*. Известно, что индоевропейские придыхательные имели различное отражение в начале и середине латинского слова: *f-* в начале слова и звонкие *b, d, g, v* в средних слогах²⁹. Перфектная форма *fefellī* вместо фонетически правильной **febellī* свидетельствует о том, что в архаической латыни эта форма представляла собой сочетание двух самостоятельных в формальном отношении слов *fe : fellī* с закономерным *f-* в начале каждого слова. Двучленная структура формы *fefellī* позволяет сравнивать ее с глагольными композитами, как *cōnficiō, referō*, которые также восходят к синтагмам, ср. в архаической латыни *sub vos placō* или *ob vos sacrō* вместо нормальной для классической латыни последовательности *supplicō vobis* и *obsecrō vos*³⁰.

Итак, редупликант, аналогично превербу, имел в архаической латыни статус отдельного слова, формально вполне самостоятельного, в плане же содержания имеющего синсемантическую функцию экспрессивного характера³¹. Соединение обоих слов, редупликанта и глагола, в одно фонетическое слово достигалось благодаря единому акценту, обеспечивавшему синтагматическую спайку членов группы. Ослабление гласных в срединных слогах показывает, что акцентом выделялся редупликант, и к нему, как энклитика, присоединялся глагол³². Самым надежным свидетельством того, что в сочетании с редупликантом глагол занимал энклитическое положение, является определенная структура глагольного корня. Краткий вокализм, поддержанный простым смычным в анлауте, преимущественно трехчленная структура корня, тенденция избегать в исходе корня сочетаний плавного со смычным, придававших тяжесть корневому слогу (поэтому употребление в архаической латыни сигмати-

²⁹ M. Leumann, указ. соч., стр. 135.

³⁰ A. Meillet, De l'accentuation des preverbes, IF, 21, 1907, стр. 344; I. Kurylowicz, Indogermanische Grammatik, II, Heidelberg, 1968, стр. 70.

³¹ W. Belardi, La formazione del preterito nell' indoeuropeo. «Ricerche linguistiche», I, 1, 1950, стр. 96.

³² В научной литературе это явление объясняется обычно как результат динамического начального ударения (немецкая школа) или особой интенсивности, с которой произносился начальный слог (французская школа). См.: И. М. Тронский, указ. соч., стр. 64—68; F. Sommer, Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1914, стр. 25—31; A. Meillet, J. Vendryes, Traité de grammaire comparée des langues classiques, Paris, 1948, стр. 127.

ческого перфекта *parſi*, а не *perperſi*) — все это становится понятным, если признать энклизу глагола. Несмотря на то, что об энклизе в латинском языке известно мало, так как в латинской письменности акцентуация никогда не отмечалась, и наши знания об энклизе основаны только на сообщениях античных грамматиков³³, все же примеры, приводимые ими, показывают, что длина энклитической группы была ограничена, что число слогов энклитики обычно не превышало двух, причем, что особенно важно, первый слог энклитического слова содержал, как правило, краткий гласный. Например, *maléfīdā*, *huiúsmōdī*, *propédīēm*, *quómōdō*, *quílībēt*, *déīndē*, *próīndē*, *aliquāndō*, *nēquāndō*, *siquāndō*, *adfābrē*, *trīgīntā*³⁴. Очевидно, энклитическим группам был присущ определенный ритм, одним из законов которого было требование краткого гласного в слоге, следующем за ударным. Редуцированный перфект, в котором структура глагольного корня предусматривает обязательную краткость корневого гласного, полностью подчиняется этому ритмическому порядку. Итак, рассмотрение латинского редуцированного перфекта как двучленной синтагматической структуры в акцентуационном отношении организованной как энклитическая группа с акцентом на редуцирующей, позволяет объяснить, почему краткость вокализма была релевантна для глаголов этой серии и почему вообще число глаголов, образующих в латинском языке редуцированный перфект, было невелико. Сам факт согласованности акцентуации и степени огласовки глагольного корня свидетельствует о том, что в латинском редуцированном перфекте сохранился очень древний тип индоевропейского перфекта, значительно полнее отражающий особенности древнейшего индоевропейского образования форм, чем греческий перфект.

В заключение можно сказать, что оба типа латинского корневого перфекта, с редупликацией и со степенью удлинения корневого гласного, различаясь в акцентуации, в характере анлаута глагольного корня и в ограничениях, касающихся исхода корня, в то же время имели общим основной необходимый признак — краткость корневого вокализма. Редупликация и удлинение корневого гласного выступают как параллельные средства образования перфектной основы, с той лишь разницей, что у глаголов, имеющих перфект с удлинением, возможности вариации структуры корня еще более ограничены, чем у глаголов, имеющих редуцированный перфект.

³³ N. O. Nilsson, Enclitica nach zwei kurzen Silben im Latein, «Eranos», 3—4, 1954; H. Drexler, Plautinische Beobachtungen zum lateinischen Akzent, «Glotta», 13, 1924, стр. 57; Б. В. Ходорковская, Античные грамматики об энклизе в латинском языке, «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», 19, 3—4, 1971.

³⁴ F. Schöell, De accentu linguae latinae veterum grammaticorum testimonia, Lipsiae 1876.